

МАТВЕЙ КУРИЛКИН

ОХОТНИК

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К93

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки *Николая Плутахина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

К93 Курилкин, Матвей Геннадьевич

Охотник: роман / Матвей Курилкин. — Москва:
Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград»,
2017. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-100727-0

Несмотря на то, что профессия охотника на одержимых выглядит очень романтично и будоражит своей таинственностью, мало кто всерьез собирается стать охотником. Аксель готовился пойти по стопам отца и стать горным инженером. Не получилось. Если у тебя обнаруживается способность чувствовать одержимых, особого выбора у тебя нет. Вот и приходится уезжать из родного дома, чтобы поступить в обучение к эксцентричной и немного циничной наставнице. Только спокойным обучение столь опасной профессии быть не может. Будущие охотники не сидят за партами — они посещают самые темные уголки города, общаются с убийцами и отбросами общества, иногда им приходится делать работу властей — искать преступников, попутно охотясь на одержимых. А что делать? Ведь это теперь твоя работа...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100727-0

© Матвей Курилкин, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Большинство мальчишек в Пенгверне мечтают стать охотниками. Впрочем, среди девочек такие фантазии тоже не редкость. Аксель исключением не был. Он был уже достаточно взрослым, чтобы понимать — его мечта, скорее всего, не сбудется. Охотников очень мало. Молодой человек не знал точно, сколько в Пенгверне охотников, слышал только, что их меньше сотни — и это в городе, количество жителей которого уже приближалось к пятнадцати миллионам. Из уроков истории Аксель знал, что до катастрофы были города и побольше, но даже тогда пятнадцатимиллионный город считался очень многолюдным. И на весь этот гигантский город, занимавший площадь в несколько миллионов гектар, всего сотня охотников. Расчеты давались подростку легко, и он без труда мог прикинуть свои шансы, поэтому Аксель готовился пойти по стопам отца и стать маркшейдером. В народе принято считать, что самому лучшему инженеру-человеку никогда не сравниться с худшим инженером гномов, но Аксель знал, что это досужие вымыслы, берущие свое начало из тех сказочных времен, когда боги правили разумными расами и внимательно следили, чтобы каждый народ занимался тем делом, которое было им, богам этого народа, угодно. Гномы тогда жили в глубоких шахтах и не выходили на поверхность,

люди строили города и пахали землю, орки носились по степям вслед за тучными стадами животных, а эльфы жили в лесах. Чем они, эльфы, в лесах занимались, Аксель не знал, как не знал об этом преподаватель истории, а спросить самих эльфов было нельзя — они не пережили катастрофы, сгинули, вместе со своими богами. Так же, как и еще некоторые из старших рас, о которых парень знал еще меньше. Он был не очень прилежным учеником, когда дело касалось истории. Вообще-то, Аксель так же слабо представлял себе, что такое «тучные стада», «степи» и «леса», но виной тому была не слабая успеваемость, а недостаточное красноречие учителя. Взглянуть на все перечисленное своими глазами юноша не мог, потому что был потомственным горожанином и никогда за пределы города не выбирался. И не был знаком ни с кем, кто за пределами города бывал.

Последние два дня он часто вспоминал о своих фантазиях, только того детского восторга уже не испытывал. Теперь в его мыслях преобладали тревога и страх. Два дня назад он узнал, что кто-то из его соседей стал одержимым. Жители Пенгверна узнают о том, что где-то поблизости появился бесноватый только после того, как находят его жертв. Тревожная весть пронеслась по району утром второго дня декады. Аксель узнал об этом вместе с остальными учениками своей школы: прямо во время уроков учеников вместе с учителями неожиданно созвали в зал для торжественных празднеств, и их обычно невозмутимая старшая наставница, гра Хеннингс взволнованно объявила:

— Дети! Сегодня утром обнаружили, что гро Овергр вместе со всей семьей погиб. Вы все знае-

те, что это значит — кто-то из наших соседей стал одержимым.

В зале сразу стало шумно, ученики начали перешептываться, выкрикивать вопросы. Кто-то из младших заплакал. Гро Овергора все хорошо знали — он держал продовольственную лавку на углу Шахтерской и Цветочной улиц, в которой продавались, кроме прочего, очень вкусные и яркие имбирные пряники. Пряники собственноручно пекла гра Овергор, супруга лавочника. У четы было двое детей, Эмма и Густав, оба учились в той же школе, что и Аксель. Эмма на первом круге обучения, а Густав на втором, как и Аксель, только на две ступени младше. Они с ним даже были немного знакомы — с Густавом и Эммой вся школа была знакома. Может быть, именно поэтому пряники, которые так здорово пекла гра Овергор, столь редко дожидались покупателя — их раньше растаскивали многочисленные приятели их детей.

Гра Хеннингс постучала деревянным молоточком по специальной медной подставке, укрепленной на кафедре, призывая детей к тишине. Мелодичный звон растекся по залу и постепенно стих. Вместе с ним стихли разговоры.

— Я понимаю ваше смятение, но прошу вас вести себя как подобает! — слегка повысила голос гра Хеннингс. — Об этом ужасном происшествии уже сообщили в магистрат нашего района, и скоро кто-нибудь из охотников вычислит и обезвредит одержимого. До тех пор совет наставников принял решение приостановить работу учебного заведения. Сегодня занятий тоже больше не будет. Сейчас ваши наставники разведут вас по домам. Вы знаете, что вас в школе гораздо больше, чем взрослых, так

что отвести каждого за руку наставник не может, поэтому вы пойдете в составе своего класса. Ваш учитель будет сопровождать вас, пока последний из класса не окажется дома. Я призываю и даже прошу вас вести себя тихо и не усложнять работу наставнику! Помните — вы воспитанники одной из старейших школ Пенгверна и должны поддерживать репутацию родной школы! Так же прошу вас во время этих вынужденных каникул воздержаться от прогулок, выходить на улицу только в случае крайней необходимости и в сопровождении родителей. И ни в коем случае не открывайте никому двери, даже если хорошо знаете этого человека. Помните, одержимым может оказаться любой, даже ваш лучший друг! Конечно, дети почти никогда не становятся одержимыми, но все равно проявляйте осторожность! Для того чтобы вам не скучно было проводить эти вынужденные каникулы дома, а также чтобы сократить отставание от школьной программы, наставники выдадут вам задание для домашнего обучения. По окончании перерыва всех ждет строгий экзамен.

На этом объявление было закончено, и дети стали собираться в классах, дожидаясь учителей, которые остались пока в зале вместе с гра Хеннингс, чтобы уточнить маршруты, по которым удобнее будет развести учеников. Аксель, поднимаясь в класс, размышлял о происшедшем. Как и всякий шестнадцатилетний юноша из благополучной семьи, он не верил в собственную смертность и не беспокоился о том, что может стать следующей жертвой одержимого. Он думал о том, где же теперь его мать станет покупать продукты, если лавка гро Овергора закроется? И о том, что таких вкусных имбир-

ных пряников теперь не попробуешь — матери всех одноклассников Акселя уже много лет безуспешно пытались выведать секрет приготовления, но так вкусно ни у кого не получалось. Он вспоминал, что Густав никогда не отказывался поучаствовать в каком-нибудь предприятии, сулящем выгоду или развлечение. И что его сестра, Эмма, всегда ужасно смешно злилась, когда брат пытался отбрыкаться от ее участия в аванюре, и всегда обещала обо всем доложить маме, и после этого Густаву, конечно, приходилось придумывать для нее какое-нибудь несложное задание.

Почувствовав, что в глазах защипало, Аксель устался в потолок, чтобы не дать слезам выкатиться, и принялся усиленно думать о чем-то нейтральном. Он, как и любой в его возрасте, был уверен, что стоит кому-то увидеть его слезы, и он на всю жизнь прослывет слабаком. Парень стал вспоминать речь гра Хеннингс. «Одна из старейших школ Пенгверна, как же. Интересно, хоть в какой-нибудь из школ Пенгверна учителя говорят воспитанником, что их школа НЕ одна из старейших? Еще и заданий надавала, чтобы дома удержать, экзамены придумала. Да ведь все равно эти экзамены нам уже через два месяца предстоят, мы же на последней ступени! И дома сидеть совершенно бессмысленно! Все знают, что одержимый может найти тебя где угодно! И смысла сидеть дома никакого нет!» И хотя он собирался добросовестно выполнять указания директрисы до тех пор, пока одержимого не уничтожат, парень был совершенно уверен в том, что будучи запертым, он будет подвергаться ничуть не меньшей опасности, чем если станет разгуливать по улицам.

* * *

Однако уже на второй день затворничества боевой настрой Аксея изрядно ослаб. И вместе с ним, как ни странно, уменьшилась решимость дисциплинированно сидеть дома. Положение еще осложнялось тем, что сидеть приходилось в одиночестве. Отец Аксея, гро Лундквист, должен был вернуться со смены в железной шахте только через полдюжины дней, мать с младшими братом и сестрой и того позже — они отправились погостить к тетке Аксея, кухне его матери, в район мастерских еще несколько дней назад, и вернуться должны только через семь дней. Аксея в этот раз не взяли, на что он был очень обижен — ему нравилось гостить у тетки, нравился ее дом и вообще район мастерских. Там было очень интересно, парень мог часами наблюдать за работой мастеров, которые с помощью сложных механизмов, работающих на энергетических элементах, вытачивали, клепали, паяли, прошивали, прикручивали и другими способами соединяли множество деталей, которые все вместе превращались в Изделия (именно так, с большой буквы называли результат своих трудов мастера). Процесс сопровождался лязгом, визгом, шипением пара и свистом подшипников... Вокруг туда-сюда деловито слонялись гремлины с забавными мордочками, их белоснежная шерсть была покрыта потеками масла и металлической стружкой, а в больших, блестящих черных глазах плескался такой восторг от причастности к чуду, что смотреть без смеха было невозможно. Эти полуразумные создания всегда с большим удовольствием помогали в работе мастерам, да и в заводских районах их, говорят, очень много. В детстве Аксель не понимал, почему их называют полу-

разумными, ведь они делают такую сложную работу, к которой сам Аксель, например, даже не представлял, как подступиться. Потом, на первом круге обучения в школе ему объяснили, что гремлины не умеют ни говорить, ни читать, не слишком понимают, для чего нужен тот или иной механизм и не умеют создавать что-то новое, однако чувствуют все неисправности и интуитивно понимают, как можно их исключить. Или даже оптимизировать и улучшить работу устройства. Для мастеров, так же как и для фабрикантов, представители этой расы стали незаменимыми помощниками. В общем, наблюдать за работой мастеров было по-настоящему увлекательно. А ведь еще можно было набрать каких-нибудь некондиционных деталей и попробовать собрать из них что-нибудь интересное... Однажды у Акселя даже получился вполне сносный метатель, которым он не преминул похвастаться в школе. Одноклассники его тогда очень зауважали. Правда, после того случая пришлось несколько дней спать на животе, а потом еще искать способ заработать, чтобы вернуть отцу деньги, которые тот потратил на лекаря для Акселя и его друзей, а также на установку стекол и окраску стен в классе, испорченных взорвавшимся метателем. Обычно-то от Акселя не требовали самостоятельно платить за помощь лекаря, если он заболит, да и на карманные расходы отец давал достаточно, но в тот раз он был очень уж зол. И мать его поддержала. Аксель потом сообразил, что столь строгое наказание было вызвано скорее испугом, чем недовольством, все-таки руки ему тогда посекло серьезно. Удивительно еще, что глаза остались целы. Даже чувствовал себя виноватым... Правда, про второй метатель рассказывать так и не стал.

Так что Аксель был очень обижен на мать за то, что она не взяла его с собой погостить. И даже радость от того, что дом на несколько дней останется в его распоряжении, его не утешала. Он подзревал, что его не взяли с собой именно из-за того случая — опасались, как бы он не изобрел еще что-нибудь наподобие того метателя. Посчитали, что оставить его одного дома будет безопаснее. Ну нельзя же серьезно относиться к словам матери о том, что он не должен пропускать учебные дни в преддверии выпускных экзаменов? Дураком Аксель не был, учеба ему давалась легко, и к экзаменам он был давно готов. Он еще раз представил, в какой ужас придут родители, когда узнают, какие дела творятся дома в их отсутствие! Был бы кто-нибудь из них дома — наверняка бы тут же увезли подальше, как только услышали про одержимого. И сейчас Аксель считал, что это было бы к лучшему. Не пришлось бы по ночам вздрагивать от каждого шороха в пустом доме, представляя себе, как по лестнице тихо поднимается кто-то... что-то чужое и холодное. Что-то, что собирается причинить Акселю боль, много боли, а потом убить. «А может, это и к лучшему, что никого нет, — внезапно решил парень. — По крайней мере, я знаю, что никто из родных не превратился в чудовище. И никто бы не позволил родителям уехать. Кто бы нас принял? Та же тетя Агата, как только мама расскажет ей, отчего мы решили у нее погостить, тут же указала бы нам на дверь. Кто знает, может, одержимый — один из нас? И все-таки одному совсем жутко».

С трудом дождавшись рассвета, Аксель решительно выбрался из постели и, торопливо одевшись, выбежал на улицу. «Если одержимый захочет меня

прикончить, двери его не остановят. А сидя дома, рехнуться можно», решил он. Парень вдохнул полной грудью и осмотрелся. Погода в этот день была удивительно хороша для конца весны — дождя не было, и, хотя вечные тучи никуда не делись, было достаточно сухо. Камни мостовой были чуть мокрые от утреннего тумана, и только. В Пенгверне редко видели солнце — девять месяцев в году были отданы на откуп туманам и мелким, морозящим дождям, и только летом тучи уходили, и жители могли насладиться солнечным светом и чистым небом, слегка подернутым, правда, смогом от многочисленных фабрик.

Подумав немного, Аксель направился по обычному маршруту. Сначала пройти по Шахтной улице, потом два квартала по Цеховой, пройти через переулок под названием Бывший Тупик на улицу Ненуывающих Могильщиков, которая упрется в Мозаичную площадь, на которой и находится школа. В школе делать нечего, но куда еще можно пойти, Акселю просто не пришло в голову. «Пройдусь немного, а там придумаю», решил парень и, приняв целеустремленный и уверенный вид, зашагал по камням, машинально выбирая те, которые чуть выступают из мостовой, чтобы не замочить ног в отсутствующих сегодня лужах.

Народу, несмотря на ранний час, было хоть и меньше, чем обычно, но все равно немало. Это только для воспитанников школ в случае появления в округе одержимого жизнь замирает. Взрослые такой роскоши себе позволить не могут. Прохожие и не думали в страхе шарахаться друг от друга, да и лица их не были обезображены печатью ужаса и обреченности. Глядя на эти физиономии,

привычно озабоченные своими бытовыми проблемами, и сам Аксель постепенно перестал вздрагивать, заслышав шаги за спиной. Мурашки со спины куда-то исчезли, да и напряженные плечи слегка опустились — поход в неизвестность превратился в обычную прогулку. Парень наконец расслабился и стал получать удовольствие от погожего утра. И тут же за это поплатился.

Вот только что он спокойно шел, рассматривая узоры из разноцветных булыжников на площади, и вдруг кто-то тяжело навалился на плечи и схватил за шею. Аксель с такой силой рванулся, что, вырвавшись из захвата, покатился по камням. Не оглядываясь, он как был, на четвереньках, пополз вперед, подальше от кошмара. Горло перехватило так, что даже закричать было невозможно.

Прийти в себя Акселя заставило только совершенно неприличное ржание, доносившееся откуда-то далеко позади. Заливистый смех, прерываемый всхлипами — кому-то было настолько весело, что даже воздуха не хватало. Аксель заставил себя остановиться и медленно поднялся на ноги. Обернулся. Метрах в тридцати сзади обнаружился Руне Блумквист — одноклассник и хороший друг Акселя. Парень ощутил непередаваемый коктейль эмоций, в котором преобладало облегчение, стыд и досада — надо же было так попасться! Но делать нечего, не убежать же теперь. И Аксель побрел к товарищу.

— Я тебе еще это припомню, Руне.

— Даже если ты окажешься одержимым — это стоило того, — сквозь смех ответил Блумквист. — Так улепетывать! Да я бы тебя на двух-то ногах не догнал!

— Посмотрел бы я на тебя, если бы над тобой так пошутили! — продолжал возмущаться Аксель. — Еще бы и не так бежал!

— Я бы так быстро не смог, — с некоторой даже завистью цыкнул Руне. — У тебя, Аксель, настоящий талант! Тебе надо в скачках участвовать. Или в собачьих бегах! Ладно-ладно, не дуйся, — поспешно замахал руками младший Блумквист, видя, что Аксель начал всерьез закипать. — Признаю, шутка получилась злая, но я просто не смог удержаться!

— Сам-то ты чего здесь забыл? — буркнул мальчик, остывая. — Сказано же, дома сидеть.

— Могу адресовать тот же вопрос вам, гро Лундквист, — задрал нос Руне. — Что вас подвигло в такую рань покинуть свое уютное родовое гнездышко?

— Совсем тоскливо дома сидеть, — признался Аксель. — Родителей нет, сижу целыми днями и в окно пялюсь. Да и ночами... — заканчивать предложение он не стал, но Руне понимающе кивнул.

— У меня похожая ситуация. Родные все здесь, только от этого не легче. Начинает казаться всякое. Вот и сбегал проветриться. А тут смотрю — батюшки, да ведь это сам Аксель, собственной персоной!

— Угу. А с чего ты взял, что я Аксель, а не кто-нибудь, занявший его место? Я вот насчет тебя не уверен.

— А я и не знаю. Но думаю, что даже если ты одержимый, на площади на меня нападать не станешь. Они, говорят, людных мест сторожатся.

Школьники немного помолчали, подозрительно разглядывая друг друга.

— Ладно, будем считать, что ты не одержимый, — решил наконец Руне. — Чем займемся?